

УДК 81'28/37 (470.53)

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОЛДОВСТВЕ И ЗНАХАРСТВЕ ПЕРМСКИМИ ДИАЛЕКТНЫМИ СЛОВАРЯМИ¹

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. irusinova@mail.ru

В статье на материале данных диалектных словарей Пермского края рассмотрены номинации колдуна, знахаря. Наименования данных персонажей, наряду с общеславянскими, отражают севернорусские мифологические представления. Общими для славянского ареала можно назвать представления о колдунах, знахарях как носителях сакрального знания. В пермских материалах они нашли отражение в отглагольных единицах: знать – *знатка, знаткой, знающий*, ведать – *ведун, ведунья, ведьмарь* и др. Общим является и представление о колдунах, знахарях как о людях, владеющих приемами вербальной магии. Об этом свидетельствуют и их пермские диалектные названия, образованные от существительных и глаголов со значением речи: *бормотушка, заговорищица, словесник, чернобайка, шептарь* и под. Специфическими, севернорусскими, можно считать представления о «киле», «икоте», нашедшие отражение в том числе и в названиях колдуна, знахаря: *кил, киловяз, килун; икотник*.

Ключевые слова: пермская диалектная лексикография; мифологические представления; магическая лексика; колдун; знахарь.

Пермская диалектная лексикография представлена несколькими словарями.

Первым из них, описывающим лексику и фразеологию одного района Пермской области, явился «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» (ред. О.П.Беляева, 1973) [СГСРПО].

С 1964 г. учеными Пермского педагогического института (ныне университета) ведется изучение фразеологии пермских говоров, нашедшее отражение в «Материалах для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья» К.Н.Прокошевой (1973), а позже – во «Фразеологическом словаре пермских говоров» того же автора (2002) [Прокошева 2002].

Следующая работа пермских диалектологов – это полный «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (Акчимский словарь) (1984-2011) [АС 1–6]. В этом словаре отражена лексика и фразеология, собранная в указанном населенном пункте исследователями Пермского государственного университета с 1950 г.

В 2000–2002 гг. вышел двухтомный «Словарь пермских говоров». Являясь словарем дифференциального типа, он дает представление

о своеобразии говоров Пермского края и их современном состоянии. В данное лексикографическое издание были включены ранее опубликованные «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» и «Фразеологический словарь пермских говоров» К.Н.Прокошевой [СПГ 1–2].

До 2006 г. оставалась не отраженной в лексикографических изданиях территория Коми-Пермяцкого округа, на которой исторически соседствуют русские и коми-пермяки. Вышедший в 2006 г. «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» заполнил эту лексикографическую лауну [СРГКПО].

Среди пермских словарей есть и тематические, которые включают по преимуществу диалектную лексику. Первый тематический словарь Прикамья – это словарь географических терминов Е.Н.Поляковой (около 600 слов). Он составил значительную часть научно-популярной книги «От арайны до яра» (1988) [Полякова 1988]. В 2007 г. увидел свет «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н.Поляковой, основу которого составили материалы предыдущей книги, существенно переработанные и дополненные [СГТПК].

Ученые Пермского государственного университета под руководством доцента И.И.Русиновой в настоящее время занимаются созданием дифференциального диалектного словаря северных территорий края, куда на протяжении более 50 лет сотрудники и студенты вуза выезжают с диалектологическими экспедициями. За это время была сформирована картотека, включающая богатые материалы по говорам Чердынского, Красновишерского, Усольского, Соликамского, Карагайского районов, населенных пунктов Коми-Пермяцкого округа. В 2011 г. вышел первый выпуск «Словаря русских говоров севера Пермского края» (А–В) [СРГСПК 1].

Коллектив ученых Пермского государственного педагогического университета под руководством проф. И.А.Подюкова в течение нескольких лет собирает лексические данные для дифференциального диалектного словаря противоположной территории – южных говоров Пермского края. Первый том трехтомного «Словаря русских говоров Южного Прикамья» издан в 2010 г. [СРГЮП 1].

Как видно из краткого обзора², лексика и фразеология русских говоров Пермского региона довольно полно представлена в словарях разных территорий края и позволяет рассматривать ее во многих аспектах. Нас интересует, как пермские диалектные словари отражают мифологические представления жителей региона, прежде всего представления о колдовстве и знахарстве.

Полевая работа автора статьи, фольклорно-этнографические сборники³, публикации последних лет (см., например, монографию О.Б.Христофоровой «Колдуны и жертвы», материалом для которой послужил колдовской дискурс Верхоямья – территории около истока Камы (в нее входят Верещагинский и Сивинский районы Пермского края и Кезский район Удмуртии) [Христофорова 2010]; учебное пособие Е.М.Четиной и И.Ю.Роготнева «Символические реальности Пармы» [Четина 2010]) свидетельствуют о том, что вера в сверхъестественное, в частности вера в колдовство, является неотъемлемой частью современной традиционной культуры края.

На материале словарных статей пермских диалектных словарей мы попытаемся показать, какие элементы представлений о колдовстве и знахарстве нашли отражение в диалектной лексике и фразеологии региона.

Самую яркую группу, которую можно выделить в общем корпусе единиц, составляют названия колдунов и знахарей.

Стоит отметить, что словарные материалы не дают четкого представления о делении «знающих людей», тех, кто наделяется традицией сверхъестественным знанием, на колдунов и знахарей. Очень часто в толковании единиц используются оба слова (см. ВЕДЬМАРЬ. Знахарь, колдун. ЗНАТКИЙ. 2. Колдун, знахарь. [СПГ 1: 81, 329]).

Основная часть наименований колдуна, знахаря – это единицы, персонифицирующие одну из функций этих персонажей: «К таковым названиям следует отнести *гад*, *гадаль* – тот, кто гадает; *изводчица* – та, кто насылает извод, т. е. порчу; *икотник* – вызывающий у людей «икоту», т. е. нервную болезнь – кликушество; *килятник* – насылающий килу, т. е. грыжу ... *шептун* – произносящий шепотом те или иные магические слова и пр.» [Криничная 2004: 386]. Среди пермских наименований данных персонажей единицы функционального плана составляют большую часть.

1. Значительную группу пермских наименований колдуна, знахаря образуют такие, которые отражают общерусские (часто – общеславянские) мифологические представления. Чаще всего такие единицы образуются от общерусских корней. К подобным единицам можно отнести дериваты и фонематические варианты общерусских слов *колдун* и *лекарь*: *колдя* (*Колдунью колдей называю* (Крутиково Добр.) [СПГ 1: 404]); *колдовка* (*Были тут видны тоже колдовки* (Тюинск Окт.) [СРГЮП 1: 398]); *холдун* (*Холдун тожо хоть людей, хоть скота холдуёт* (Акчим Краснов.) [АС 6: 124]); *холдунья* (*Оне говорят: вот ты и холдунья, (раз) иголки-то тебя тревожили* (Акчим Краснов.) [там же]); *лекарь* (*Позавоч-то колдуном звали, а так-то лекарем. Я съездила к лекарю, колдуны-те раньше были, – килу-то вылечил* (Осокино Солик.). *Лекарь наговорил мне на воду, на хлеб* (Нердва Караг.). *Лекарь пришёл и выгнал кикимору из дома* (Тюлькино Солик.) [СПГ 1: 471]. *Колдуны были и лекари – словами лечили; Лечились всё от лекарей и лекарок. Лечили водой. Нашепчут, спрыснут этой водой* (Акчим Краснов.) [АС 2: 103]; *лекарица* (*Лекарича-де вылечила*), *лекаришко* (*Тогда больниц не было, когда раз приедет лекаришко да что...* (Акчим Краснов.) [там же]); *лекарка*, *лекарька* (*В самом крайнем доме у нас лекарка живёт: и заговаривать умеет, и ворожить, и травами лечит* (Лысёхино Караг.). *Много лекарок-то было, да умерли. А мы ничё не знам* (Ярославщина Добр.). *Раньше-то ведь всё лекарки делали: и от простуды лечили и заговаривали* (Черновское Больш.). *Я даве шибко*

болела, так только лекарька меня и вылечила (Нердва Караг.) [СПГ 1: 471].

2. Общими для славянского ареала можно назвать представления о колдунах, знахарях как носителях сакрального знания. В пермских материалах они нашли отражение в отглагольных единицах: многие единицы группы образованы от глаголов *знать* и *ведать*.

Глагол *знать* формирует разнообразные наименования (существительные, субстантивированные прилагательные и причастия, номинативные словосочетания), называющие как мужчин, так и женщин, обладающих магическими свойствами:

ЗНАТЕТНЫЙ. *Знатетны раньше люди были, счас уж не лечит никто* (Каменный Ключ Чайк.) [СРГЮП 1: 333].

ЗНАТКА. *Она к знатке сходила, та ей болезнь-ту заговорила* (Брехово Сукс.) [СПГ 1: 329].

ЗНАТКИЙ. *Если знаткие, которые знают много – знахарки; Колдуны-де много слов знают, знаткой человек* (Акчим Краснов.) [АС 1: 345].

ЗНАТКОЙ. *Он видать знаткой был, гадал, ворожил дак* (Платошино Пермск.). *Знаткие они – должно колдуны* (Курган Черд.) [СПГ 1: 329]. *Мужик тут в деревне недалеко беда знаткой был, мог свадьбу оборотить* (Титова Юрл.). *Знаткие – они так могут сделать, свадьбу переверотить в волков* (Юм Юрл.). *Сватовщици пришли, невесту по спине хлопнули, сваха-то знаткая была. Невеста и подалась* (Миронова Юрл.) [СРГКПО: 108]. *Которы знаткие, они с бесом знаются* (Меча Киш.). *Можно сваху из деревни пригласить, если женщина знаткая* (Перебор Бер.) [СРГЮП 1: 333].

ЗНАТЛИВЫЙ. *Другую бабу привезли – знатливую* (В.Мошево Солик.). *Это старушка знатливая, заболеешь – дак к ей идёшь* (Рогали Оч.). *Мужик-от знатливый был. Он чо-то сделал моего мужика, он и застрелился* (Кузнецова Солик.) [СПГ 1: 329–330].

ЗНАТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. *Раньше-то боялись знатливых людей, а теперь не верят в них* (Таман Усол.) [СПГ 1: 329–330].

ЗНАТНЫЙ. *Знатных теперя нет. Раньше были* (Бычино Краснов.) [СПГ 1: 330]. *Которые знатные были, те лечили* (Елога Юрл.) [СРГКПО: 108]. *Дружка должен быть обязательно знатный, чтобы коней от колдунов огородить* (Антуфьева Бард.). *Свекровка-то знатная была, знала много, чернбайка была. И вот ну погладила её, эту невесту по голове, она сначала всё говорила: «Не пойду, не пойду», а потом – «Пойду, пойду, всё равно пойду»* (Меча Киш.) [СРГЮП 1: 333].

ЗНАХАРИЦА *У иё бабушка знахарица хорошая. Потерялась корова, она говорит: иё повешали* (Акчим Краснов.) [АС 1: 345].

ЗНАЮЩИЙ. *У него тёща тоже знающая была* (Жормино Караг.). *Про неё-то говорят, что она знающая* (Нехайка Добр.). *Знающими у нас тех зовут, которые киту напускают или другую порчу* (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 331]. *В соседней деревне был один знающий, да старуха одна, пермянка, тоже людям делала. А у нас не было таких-то* (Новоселы Кос.) [СРГКПО: 108–109].

Мифологические рассказы разных территорий, в том числе и пермские, указывают на источник сакрального знания – иной мир, представителями которого выступает нечистая сила. Связь колдунов с нечистой силой выражается разнообразными устойчивыми сочетаниями, включающими в свой состав имена этих духов (*бес, черт, нечистый и т. п.*). Очень часто данный мотив вербализуется с помощью глаголов *знать*, *знаться*: **знать бесей (чертей)** (Колдуны каких-то бесей знают. Вроде человеку чё-то сделают. И, вроде, человек может умереть. Бесей знают, дак испортят человека (Гадья Черд.). Колдун чертей знает. Сделает что-нибудь над человеком, дак никто вылечить не может (Лимеж Черд.). Знахарка знает слова, колдунья знает чертей (Тагьяшер Черд.); **знаться с бесям (лесным, лешиим, нечистым, окоянным, чёртом)** (А еретики вот чертей-то учатся, бесей, с бесями знаются (Петрецова Черд.). Касибская женщина пошла в лес. Вот Санко ей попал покойной. Он, видно, с лесным знался. Она ему попала встричу, и всё, заблудилась. Вот токо зашла в лес – и заблудилась (Сорвино Солик.). Говорят, леший, говорят, лесной какой-то. У нас туда три километра одна женщина зналась, говорят, с им. Так вот ему, говорит, на пень принесёт пачку сигарет и бутылку водки (Зуево Солик.). Жила в войну старушка с Ленинграда, была в школе техничкой. Она зналась с лешиим, разговаривала с ним в трубу (Губдор Краснов.). Есть у меня знакомая старушка. Дак она зналась с нечистым. Она ему и задания давала: от одной бабы, значит, отвести мужика, к другой привести (Усол.) А вот жил у нас враг. Говорят, знался с окоянным. Идёт он по лесу с женой, она за его пояс держится, он свистит, лес шатается (Лимеж Черд.). У нас мужик был, с чёртом знался. Этот человек может изурочить, сглазить (Пянтег Черд.)) [КСМЛПК].

Глагол *ведать* не образует в сфере мифологической лексики такого обширного гнезда, но все же несколько единиц в словари вошло:

ВЕДУН. *Дедко у нас много знат, ведун. К ему люди со всего района едут лечиться* (Сива) [СПГ 1: 81].

ВЕДУНЬЯ. *Одна травница, друга ведунья. И никто ничё не передали. Дедушка, говорят, тоже колдун был* (Пепёлыши Сукс.) [СРГЮП 1: 103].

ВЕДЬМАРЬ. *Нет ведьмарей-то тут, нетука. А вот в соседней деревне есть* (Сарс Окт.) [СПГ 1: 81].

В связи с названиями колдунов, знахарей, образованных от глаголов *знать*, *ведать*, следует рассмотреть и такое наименование, как **грамотный** (*Есть люди грамотные, посмотрят – и у коровы молока не станет* (Таволожанка Юрл.)) [СРГКПО: 79].

Прилагательное *грамотный* в «Большом академическом словаре русского языка» показано как многозначное. 2-е значение этого слова ('обладающий необходимыми знаниями, сведениями в какой-л. области, знающий' [БАС 4: 377]) практически совпадает со значением причастия *знающий* ('имеющий познания, опыт в какой-л. области; сведущий' [БАС 6: 783]). Данный факт сближает указанные единицы и в мифологической сфере, где они обозначают специфическое, сакральное знание.

3. В научной литературе существует множество классификаций магии. Особняком стоит вопрос о так называемой магии слова – вербальной магии. Одни ученые настаивают на преобладании слова в любом магическом акте, они видят именно в словесной магии основную и первичную ее форму. Другие исследователи считают, что вербальная, или словесная, магия не представляет собой особого и самостоятельного типа магии: она является лишь аккомпанементом к совершаемому колдовскому действию (см. обзор различных точек зрения: [Токарев 1990: 426–506]). Но все согласны в одном: место и роль вербального текста в обряде весьма значительны, сама обрядовая ситуация основана на вере ее участников в действенную силу слова, способность слова изменить окружающий мир в интересах человека [СД 4: 431]. Таким образом, представление о колдунах, знахарях как о людях, владеющих приемами вербальной магии, является универсальным.

Это положение хорошо иллюстрирует лексика пермских говоров, в составе которой корпус слов, обозначающих процесс порождения речи, субъекта и результат этого процесса, составляет значительную часть семантического поля «Магия» (см. подробнее: [Русинова 2009: 193–201]). Велико и количество таких единиц, обозначающих колдуна, знахаря, в пермских

диалектных словарях. В образовании этих названий участвует несколько корней со значением речи: *бай-*, *бормот-*, *говор-*, *слов-*, *шепт-*:

БОРМОТУШКА. Знахарка, заговорщица болезней. *На том конце деревни бормотушка живёт, всяку болезнь может заговорить* (Кленовка Больш.) [СПГ 1: 49].

ЗАГОВОРЩИЦА. Знахарка. *Бабки-заговорщицы были. Рожали с ними, лечились* (Климиха Орд.). *В Верх-Кунгуре была старая заговорщица: шептала, брызгала водой. В селе заговорщиков не было* (Климиха Орд.) [СРГЮП 1: 294].

СЛОВЕНИЧ. Знахарь, кто лечит словами, заговором. *Которы словеничи, знают. Если кто заболит, дак зовут эту бабушку* (Кривцы Кос.) [СРГКПО: 223].

СЛОВЕСНИК. Человек, лечащий словом; знахарь. *Съездила я потом к словеснику-то, словесник и говорит: «Тебя испортил мужчина, который уже умер»* (Губдор Краснов.) [СПГ 2: 353]. *Словесника вам надо, я никаки наговоры не знаю* (Юм Юрл.) [СРГКПО: 223].

СЛОВНИК. Человек, который занимается лечением заговорами. *Он словник. Людей лечит, заговариват* (Акчим Краснов.) [АС 5: 97].

СЛОВНИЦА. Женщина, которая лечит заговорами; знахарка. *Хороша была словница, всем добро делала* (Н. Бычина Краснов.). *Сына-то моего всё словница лечила и выходила* (Басим Солик.) [СПГ 2: 353]. *Словнича лечит, бабушка стара. У нас туттока словнича была, старуха. Она сказала, что девке порча посажена в ухо* (Акчим Краснов.) [АС 5: 97].

ЧЕРНОБАЙКА. *Свекровка-то знатная была, знала много, чернобайка была. И вот ну погладила её, эту невесту по голове, она сначала всё говорила: «Не пойду, не пойду», а потом – «Пойду, пойду, всё равно пойду»* (Меча Киш.) [СРГЮП 1: 333].

ШЕПОТУНЬЯ. Знахарка, колдунья. *Деревенские шепотуньи есть, оне знают, кто это тебе килу посадил. У нас была слепая шепотунья...* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 549].

ШЕПТАРЬ. Знахарь, лечащий заговорами, нашептываниями. *Лечит знахарь... Они погоду знают, лечат. Шептарь шопчет* (Акчим Краснов.) [АС 5: 224].

И если большая часть корней хорошо известна всем носителям русского языка, то некоторые из них в исконном значении ушли на периферию. Так произошло с глаголом *баять*, который в древнерусском языке был связан с говорением (ср.: баяти. Рассказывать басни, выдумки,

баснословить [Срезневский: 46]), и это значение сохраняется у него в XVIII в. (ср.: БАЯТЬ. Простонар. Говорить, рассказывать [СРЯ XVIII 1: 153]), а позже он остается в говорах (ср.: БАЯТЬ. Обл. Говорить, рассказывать [БАС 1: 430]; БАЮН. 1. Говорун, рассказчик. 2. Способность говорить [СРНГ 1: 166]). Глагол *баять* очень древнего происхождения, ему и его производным уделено значительное место в «Этимологическом словаре славянских языков». Составители словаря склонны считать его звукоподражательным. Наряду со значением речи этот глагол и его дериваты часто развивают мифологические значения, обслуживающие сферу вербальной магии [ЭССЯ 1: 137–140].

Надо сказать, что в других славянских языках широко используются названия колдуна, знахаря, образованные от глагола *баять*, например: болг. *баяч* (БТР), макед *бајач* ‘знахарь’ (И.-С.), сербохорв. *бајач* ‘колдун’; ст.-укр. *баиля*, *байля* ‘знахарка, шептуха’ (Тимченко 1, 50–51) [там же: 137, 140].

Знакомы такие производные и современным гуцульским говорам украинского языка: *байля*, *баїля*, *байльник*, *байбірник*, *байбірниця* ‘людина, яка лікує різними традиційними, немедичними засобами, переважно замовлянням’ [Хобзей 2002: 33–36].

Сами глаголы со значением речи необычайно активно проявляют себя в магической сфере, о чем говорят в том числе и пермские примеры.

Чаще всего в данном значении используются глаголы *говорить*, *роптать*, *читать*, *шептать* и их дериваты (*заговаривать*, *заговорить*, *наговаривать*, *наговорить*, *отговаривать*, *отговорить*, *поговорить*, *приговаривать*, *наиёптывать*, *шептаться*): *Я позвала одну женщину, заговаривать она умела. Та и заговорила мне болезнь* (Камгорт Черд.). *Лечила травами одна. Да чё-то наиёптывают, наговорит, наговорит. Сперва она говорит вслух, а потом в узелок начнёт говорить, она туды только шепчется* (Касиб Солик.). *Идём за коровами, она [колдунья] и говорит: «У-у, девка, какие у тебя ноги красивые». Я пришла, пригнала корову – всё. Ночью аж прямо ноги заболели, я рёвом ревела. Ночью понёс меня папа к бабушкам отговаривать. Отговорили* (Сейва Гайн.). *Зоб у неё [дочери] начал расти. Операцию хотели делать. Она от неё отказалась, пошла к деду. Он ей чё-то поговорил – прошёл у неё зоб* (Орел Усол.). *Старик ножом щёку крестил, после этого стало заживать. Когда крестил, всё приговаривал что-то: не то молитвы, то ли слова какие-то* (Половодово Солик.). *Раньше*

знающие старушки лечили, как-то роптали. Старуха поропчет раза два на ребёнка, у него всё-всё пройдёт (Дуброво Ел.). *Раньше сколь нога болит, вот и водит эта знахарка, ходит старуха одна. Ну, читат там да* (Кольчуг Черд.). *Внучка у меня урошливая – Бог упаси! Ночью ни в какую не спала. Меня и натакали – сходи к бабе Ане, она в Боровске лечит. Придёшь к ней, ребёнка на колени положишь лицом вниз. Она так рукой водит и шепчет. Шесть раз надо так* (Вавилово Усол.). *А вот знахари-то... Зубы мне как-то лечили, маленькая еще была. Повели меня к соседям. [Старик] заслонку перевернул, саженное место кверху, на неё встал. Бабка дала ему пузырёк с растительным маслом. Шептался он, шептался передо иконой, потом бабка кудельку маслом намочила, и мне её приложили к зубу. Я уснула. Проснулась – зуб не болит* (Кашка Куед.) [КСМЛПК].

Не менее частотны в указанной сфере и существительные, которые обозначают сакральный текст, т.е. такой, с помощью которого можно осуществлять магические действия. В говорах Пермского края в этом значении используется несколько единиц: *грамотка*, *заговор*, *молитва*, *наговор*, *отговор*, *присказулька*, *сказка*, *словинка*, *слово* (чаще в форме мн. ч. – *слова*), *шепоток*, которые в текстах нередко выступают как синонимы: *Есть заговоры на зубы* (Бигичи Черд.). *И этот колдун пришёл, говорит, так на огород навалился и на маму смотрел. А слова-то, видимо, пускал. Ну, у них свои молитвы. Это же всё надо с молитвами делать. И он маму исколдовал* (Вильва Солик.). *Ребёнок, когда болеет ни с чего, берут с трёх колодцев воду с наговорами, моют его: «Очисти, батюшко-господь! Как водичка святая, так и ты будешь»* (Бадья Юрл.). *Да «крес во мне и крес на мне, собаки от меня. Аминь, аминь, аминь». Это от собак, отговор от собак* (Коэпты Черд.). *А чтобы уберечь себя от нечистой силы, бабушки наши произносили присказульки* (Ключи Вер.) *Они [колдуны] сказывают сказку, сказку-то сказывают. Запомнишь эту сказку – вот тебе и колдун* (Н. Шакшер Черд.). *Сосед у нас всё зайчиков носил. А отец купил капкан, да не шли зайчики-то, и капканы-то они рядом поставят. У соседа есть, а у отца опять ничего. Видно, словинку знал сосед-то* (В. Мошево Солик.). *У меня руки одеревенели, ницё не могу делать, не поднимаются руки никак. Там у нас бабушка одна лецила. Бабушка взяла на меня брызнула – руки стали работать. Ну, она меня брызнула, ну, слова у ё какие-то такие* (Петрецово Черд.). *Лекарка шибко хороша была. Шепоток мне дала, в бане*

выпарила, я и выздоровела (Кленовка Больш.) [КСМЛПК].

4. В пермских названиях колдунов отразилась одна из основных функций данных персонажей – причинение вреда здоровью человека. Часто вербализуемым видом этого вреда выступает *кила* – грыжа, опухоль или «всякая болезнь, которая возникает, по суеверным представлениям, от наговора, навета» [СРНГ 13: 206]. Именно поэтому номинации колдуна (того, кто килу вызывает) и знахаря (того, кто от килы излечивает) могут включать в себя корень *кил-*:

КИЛ. *Он кил, сколько народу испортил* (Рассолёнки Лысьв.) [СРГЮП 1: 383].

КИЛОВЯЗ. *Киловязы порчу кидают в человека – посадят килу, потом по врачам находишься.* (Б. Долды Черд.). *Раньше много киловязов-то было, килы разные лечили* (Завод Сарс Окт.) [СПГ 1: 388]. *Колдун-киловяз может килу посадить* (Юм Юрл.). *Киловяз-киловяз, сади килу себе на правой глаз* (Юм Юрл.) [СРГКПО: 119]. *Это было ведь позорно. Это было конфузно, что ты колдуешь. Киловязов, после них знаешь, как болит страшно. А они похаживают. А они тоже болеют. А у нас такой был, он много износил* (Журавли Киш.). *В той стороне киловязы-те живут, они беда много знают* (Воскресенское Уинск.). *А если кила не прилетела на кого, ну киловяз-то которую отпустил, то она на берёзу попадает* (Усть-Лог Сукс.) [СРГЮП 1: 384].

КИЛОВЯЗКА. *А киловязки-то чё ить, они знают как. А кои садят, кои старухи-те садили килу-то. Пошёрнут, дунут, и кила* (Мартьяново Сукс.). *Соседка была киловязка, на берёсте лечила, собирала шелуху. Напоит, и легче будет* (Журавли Сукс.) [там же].

КИЛУН. *Килуны-то, колдуны, умирают страшно, шибко мучаются* (Паздышки Част.) [СПГ 1: 388].

Как видно из представленного материала, корень *кил-* активно используется в мифологической сфере, в частности в номинациях колдуна, знахаря. Данные наименования распространены преимущественно на Русском Севере, что иллюстрируется, например, опубликованными материалами О.А.Черепановой (в перечне названий колдунов присутствует существительное *килятник*) [Черепанова 1983: 15]. Подтверждают это положение и материалы монографии С.Б.Адоньевой «Прагматика фольклора»: «Особо следует отметить наиболее распространенное на описываемой территории (территории Русского Севера. – И.Р.) именование насылаемой болезни – *кила*. Практически любая

болезнь (за исключением травм) – любые болезни внутренних органов, кожные инфекции и инфекции дыхательных путей – может быть квалифицирована как кила – нечто насланное или “навязанное”» [Адоньева 2004: 107].

Представления о *киле* и *килунах*, *киловязах* широко представлены в колдовском дискурсе края. Об этом говорит наличие большого круга однокоренных указанным названиям колдуна, знахаря единиц:

КИЛА I. *Опухоль или выпадение из брюшной полости под кожу части какого-л. внутреннего органа, возникающие, по суеверным представлениям, в результате колдовства. От тяжести бывает грыжа, а килу садят; Кила выходит в пах, а грыжа в пуп; Кила вот, она болит. На-ко вот с кулак шишка растёт, мягкая* (Акчим Краснов.) [АС 2: 41–42].

КИЛОВАТЫЙ. *Страдающий «килой» или грыжей. С килкой. Киловатой называется человек* [там же: 41].

КИЛУН. *Человек, страдающий «килой» или грыжей. Свёкор тожо скоропостижно умер. Он килун был* [там же].

КИЛА, КИЛЯ. *Грыжа, опухоль. Килу садит колдун, он её и снимает* (Советная Сукс.). *Кила – это очень нехорошее. Я знаю, что это такое. Это, значит, шишка такая. Кто на что наговорит* (Сызганка Сукс.) [СРГЮП 1: 383–384].

Пермские словари отражают и массу устойчивых глагольных сочетаний со словом *кила*. Все они вербализуют идею вызывания колдуном у человека, которого он хочет или «вынужден» под напором своих помощников-чертей «испортить», опухоли, грыжи или другого заболевания. В число глаголов, формирующих подобные сочетания, входят любые из тех, что способны выразить значение *направления* магического воздействия («передачи») от колдуна другому человеку, и часто, но необязательно – значение *физического контакта* «килы» с испорченным человеком или *проникновения* ее в его тело. Как правило, это глаголы, которые в немифологических контекстах сочетаются с конкретными существительными:

ВСТАВЛЯТЬ КИЛУ. *Это раньше колдуны килу вставляли, счас нету их* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 1: 146].

ВЯЗАТЬ КИЛЫ. *Он может килы вязать. Только скажет, пусть сядет-де кила с горшок, и всё* (Ефремова Юрл.) [СРГКПО: 73].

НАВОДИТЬ КИЛЫ. *Веретники килы на зубы наводили* (Ятышь Ел.) [СРГЮП 1: 107].

НАПУСКАТЬ КиЛУ. *Знающими у нас тех зовут, которые килу напускают или другую порчу (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 336].*

НАСЫЛАТЬ КиЛЫ. *Дековаться – это не просто издеваться, а килы насылают, всякие болезни. Вот она знающие и декуются над народом-то, наводят на них порчу всякую (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 206].*

ПОСАДИТЬ КиЛУ. *Шла с водой, она потрепала за шиёку – её задрало, задрало, и всю ночь уснуть не могла. Она ей килу посадила на шиёку-то (Ефремы Солик.). А он колдуном был, как прошёл мимо, так килу и посадил. Щека сразу затвердела, появилась на ней красная опухоль (Пыскор Усол.). Колдуны-то всё могут сделать: и килу посадить, и жениха либо невесту присушить (В. Мошево Солик.) [СПГ 2: 179, 219]. У нас отец ходил, колдунья была, и она его чуть до смерти не довела. Недельку лежал ничего не говорил. Она ему килу посадила. За бабушкой ходили, она её сняла. Как она стала молитвы читать. Раза четыре приходила и сняла. Хомут она ему посадила. Так делают не на зло, а просто так, черти заставляли делать добрым людям (Пожва Юсьв.). Колдун посадит килу, такой швал будет (Усть-Зула Юрл.) [СРГКПО: 215]. У меня килу посадили на самое такое на больное место, на брылку. Пришла к старухе, стыдно сказать, что у меня куда садили (Шульдиха Ел.). Она, ёст твою дед, колдунья, может и килу посадить (Шермейка Бард.) [СРГЮП 1: 81]. Отец не знал, а хвастал. Мужик посадил (ему) в рот килу [АС 2: 41–42].*

ПОСТАВИТЬ КиЛУ. *Поставят килу, надо идти к знающей бабушке, отговор чтоб прочитала (Пож Юрл.) [СРГКПО: 173]. Навредит человек другому, он ему килу поставил (Акчим Краснов.) [АС 2: 41–42].*

ПРИВЯЗАТЬ КиЛУ. *Этот старичок Павел пришёл за солью, а мать не дала, видно, не было, он ушёл, а братику килу привязал (Ярославщина Добр.) [СПГ 2: 203]. Килу привязывают к скотине и к человеку (Акчим Краснов.) [АС 2: 41–42].*

ПРИТОБАРИТЬ КиЛУ. *Мимо его (колдуна) пройдёшь, дак он и притобарит килу. Я вот носила – красная рожа была посажена (Тюлькино Солик.) [СПГ 2: 219].*

САДИТЬ КиЛУ. *А килевязки-то чё ить, они знают как. А кои садят, кои старухи-те садили килу-то. Пошёнчут, дунут, и кила (Мартьяново Сукс.) [СРГЮП 1: 384]. Килы садили, человек не понравится, колдун ему сделает, у того такая тут опухоль станет (Пож Юрл.) [СРГКПО: 19]. Наши же, деревенские, килы садят. Я одну килу износил. Человек знаткой идёт и... хроп, посадят*

килу (В. Мошево Солик.) [СПГ 2: 313]. Раньше это были колдуны, садили друг другу килы-то (Акчим Краснов.) [АС 2: 41–42].

СТАВИТЬ КиЛЫ. *Старука одна у нас тут людям килы ставила, поставит, потом к ей же идут лечить (Лобанова Юрл.) [СРГКПО: 229].*

Пермские диалектные словари не содержат материалов, отражающих обратного процесса – излечения от «килы», хотя, безусловно, и сама такая практика в магико-ритуальной традиции края есть, и функционируют единицы, ее называющие. Мы приведем примеры из пермских фольклорно-этнографических сборников:

СНИМАТЬ КиЛУ (КиЛЫ). *Которы урошные слова знают, снимают килу (Тетерина Солик.). Бабушка Сарайка килы-то людям много снимала. Она и крестит, и чё-то всё наговаривает, и попить даёт. Всё и пройдёт (Касиб Солик.). А мужик через дом жил – он и садил, и снимал сам килы. И нам на масло [молосное – коровье] наговорил, помазал, помогло (Б. Кусты Куед.). Дедушка тоже чертызнай был, все к ему ходили эти килы снимать. Он сам другу молитву вычитат и эту килу снимат (Кашка Куед.).*

СНЯТЬ КиЛУ. *Не созвали её [колдунью] на свадьбу, а она присадила жениху килу на щёку. Раздуло. Насилу сняли (Тетерина Солик.). Когда килу садят, колдуны на камень наговаривают и в воду бросают. Если найдёшь этот камень, то килу снимешь. Камень со сквозной дыркой, он сильнее заговорённого камня, его брали килу лечить (Талавол Краснов.).*

Объяснить асимметрию единиц, описывающих противоположные магические действия, в пермских диалектных словарях можно следующим образом. Во-первых, сбор мифологического материала производился, особенно до 80-х гг. XX в., нецеленаправленно. Некоторые составители словарей, будучи атеистами, не придавали особого значения тому, что связано с верованиями (как христианскими, так и с языческими). Поэтому какой-то материал попадал в словари часто потому, что воспроизводился массово, отражал живую, активно проявлявшую себя традицию, которую невозможно было не отразить в словаре. Во-вторых, в сфере мифологической лексики, представленной чаще всего в текстах быличек, существует то, что характеризует весь фольклор (и не только фольклор, а традиционную культуру в целом, одним из качеств которой считается вариативность) – его формульный характер, при котором один смысл может быть выражен целым рядом языковых единиц. Именно поэтому идея избавления от «порчи» (кила часто

представляется одним из видов «порчи» или – реже – самой «порчей») может передаваться целым рядом словосочетаний, в которых участвуют разные существительные: *порча, кила, хитка, беси* и тому под. Ниже приведенные примеры взяты из материалов для «Словаря магической лексики Пермского края», в котором аккумулированы данные из разных источников: словарей, картотек, полевых материалов авторов, фольклорно-этнографических сборников.

СНИМАТЬ БОЛЬ. *Она лечит, боли снимает, кто испорчен* (Рожнево Черд.).

СНИМАТЬ КОЛДОВСТВО. *Эту порчу [которая разговаривает внутри] они уже не могут убрать. Они только, которые снимают всё колдовство и порчу, они могут наружнее всё знать, а внутри они не могут* (Вильва Солик.).

СНИМАТЬ ПОРЧУ. *Ну, не только ноги могут отняться, но и голова. И с головой что-то может сделаться. Богдан у нас такой был. Ему надо снимать эту порчу* (Гадья Черд.). *Вот у нас здесь женщина была. Этих уже стариков вобизэ нету в живых никого. Она эту всю порчу, разное колдовство, она снимала. Один колдует, а другой лечит* (Вильва Солик.). *Колдуны могут сделать, что человек совсем в землю уйдёт, могут напустить порчу, что и не вылечишь. Бывало, по ветру пускали, наговаривали. Есть другие люди, которые отговаривают, снимают порчу* (Сейва Гайн.).

СНИМАТЬ УРОКИ. *Здися ись знахарки. Кого изурочат, дак они личат, снимают уроки, болезнь эту, сглазы снимают* (Покча Черд.). *Фёкла-то уроки с животных и людей снимала. Придёт, слова наговорит, чё-то попей. Кто-то порчу насадит или килу, грыжу* (Касиб Солик.). *Болели люди, если к колдуну касались. Он сговаривает, человек не может вылечиться. А потом сам снимает свои уроки* (Половодово Солик.).

СНИМАТЬ ЧЕРТЕЙ. *Тогда стали лечить. У него тоже был брат, тоже слова-де знал снимать чертей-то* (Искор Черд.).

СНЯТЬ ПОРЧУ. *Одного мужика делили две женщины. Одна и пошла к колдуну, чтобы тот порчу посадил. Мужик заболел. Жена пришла к колдуну и попросила снять порчу. Колдун и говорит: «Поздно. Я наговорил на камень и бросил в воду. Где найдёшь его теперь?»* (В. Язьва Краснов.).

СНЯТЬ УРОКИ. *Горячку-то на меня напустили, а уроки-те никто не снял, никто даже не подумал, что их надо снять* (Касиб Солик.).

СНЯТЬ ХИТКУ. *Главный еретник говорит: «Вот вы меня давно уже покорили хитку-то снять-то». Он его в бане помыл, снял хитку*

(Искор Черд.). *Он похичен, испорчен, дак снять хитку надо* (Рожнево Черд.).

СНЯТЬ ЧЕРТЕЙ. *Мужик тот, Никола, подвыпил, как-то к нему пришёл, а голова побаливала. Гавря задел его, голова перестала болеть. Знать, снял чертей Гавря* (Лимеж Черд.).

5. Для пермской мифологии весьма характерен мотив возникновения кликушества как результата колдовского воздействия. Этот мотив не уникален: «Кликушество – в рус. и в.-бел. традициях вид бесноватости; болезнь, являющаяся результатом вселения в человека злого духа, который проявляет себя собственным речевым поведением и поступками, обитая в человеке, мучит его, доводит до смерти... Кликушество часто является результатом порчи, насылания болезни колдуном или колдуньей. Колдун, умеющий насылать килу, называется *икотник* (с.-рус.)...» [СД 2: 508–509].

Пермские материалы показывают, что «в сознании носителей традиционной культуры часто происходит смешение понятий о приеме магического воздействия, болезни как результате такого воздействия и духе, вселенном колдуном в человека и эту болезнь вызывающем. Это приводит к использованию в качестве номинаций и болезненных состояний, причиненных колдовством, и «вселяющихся» духов одних и тех же лексических единиц, например слов *порча, хитка, икота (икотка)* (ср.: «В районах Русского Севера термин *икота, икотка* обычно является синонимом кликушества – одного из видов бесноватости, вызываемого порчей и проявляющегося в сильных нервных припадках, сопровождаемых криком. В этом случае *икота* обозначает одновременно и саму болезнь, и злого духа, который эту болезнь вызывает» [СД 2: 402])» [Русинова 2010б: 14–15].

Представления об *икоте (икотке)*, как типичные для Русского Севера, широко распространены и в Пермской крае, в основном в его северных частях. Причем одна лексема может использоваться для называния 1) заболевания, вызванного колдовством, 2) «вселяющегося» духа – причины такого заболевания и 3) человека, страдающего этим заболеванием. Ниже мы приведем 3 (из 4) значения слова *икота* из Акчимского словаря:

ИКОТА. 2. Нервное истерическое заболевание (обычно у женщин), выражающееся в судорожных припадках, во время которых больные кричат или чревоуважают. *Вот она говорит, у ей икота. Страшно прямо: косотат её сяко, ломат. Сама себе не рада, кричит; Икота только у женщин бывает.* ◇ ИКОТОЙ

ГОВОРИТЬ. О припадке такого заболевания. *На Вёлгурах женьшишина была, говорила икотой. Я сама слышала: говорила нехорошо слова; Одна у нас икотой говорила.* 3. По суеверным представлениям, нечистый дух, поселяющийся в человеке и вызывающий такое заболевание. *Она сама-то не говорит, а то в ней икота говорит. Икота из желудка говорит – молодчик Ваня себя называет. В старухе сидит. Она (старуха) только рот раскрывает; Икота разговаривает человеческим голосом.* 4. Человек, страдающий такой болезнью. *На Ваю к этой икоте я ходил; Смолоду старухи были икоты* (Акчим Краснов.) [АС 2: 20].

Совершенно закономерно, таким образом, и наличие в пермской диалектной речи названий людей, это заболевание вызывающих. Анализ пермских диалектных словарей показывает, что существительные **икотник**, **котник** (они встречаются в русских говорах Коми-Пермяцкого округа) являются общим обозначением колдуна, а не того только, кто «садит икоту»: в иллюстративной части словарных статей нет указания на этот процесс, а характеризуются другие стороны колдовской деятельности:

ИКОТНИК. Колдун. *Чтобы девка не понялась, замораживал старик-икотник сани. Его сажали вместе с гостями* (Таволожанка Юрл.). *...Икотника не позвали на свадьбу – он наколдовал, и в трубу улетели свадебжана-те* (Таволожанка Юрл.). *Икотники корову испортят, недоиня станет* (Мухоморка Юрл.) [СРГКПО: 113].

КОТНИК. Колдун. *А про котников, про колдунов-то, ничего говорить нельзя, они все слышат* (Осинка Юрл.) [там же: 128].

Среди однокоренных проанализированным единицам встречаются в пермских словарях и слова, называющие

– человека, страдающего «икотой»:

ИКОТИШНЫЙ. *Одна у нас была женищина икотишная, у её икотка скверно ругалась* (Антуфьево Бард.) [СРГЮП 1: 352].

ИКОТНИК. *Икотники они разговаривают в другу сторону – когда воздух вздыхают* (Пожва Юсьв.) [СРГКПО: 113].

ИКОТНИЦА. *Икотницы которые знающие. Корова потеряется, к икотнице идут, икотка сказывают* (Они Юсьв.) [там же];

– причинение вреда человеку колдовством:

ИКОТИТЬ. *Знающие-то раньше были, а сейчас ничего не знают, кто где икотит* (Кладова Юрл.) [там же].

ИЗЫКОТИТЬ. *Ты опять тут изыкотила, корова у меня домой не идёт?* (Елога Юрл.) [там же: 112];

– предсказывание «икоткой» каких-либо событий (как социально значимых, так и личных):

ИКОТНИЧАТЬ. *А вот и стала икотничать, да стала вот это наговаривать, что де война будёт* (Калинино Кунг.) [СРГЮП 1: 352].

ВЫИКАТЬ. *Икотка выикат тебе про тебя всё* (Калинино Кунг.) [там же: 155].

Как и с описанным выше существительным **кила**, называющим «насланную» колдуном болезнь, со словами **икота**, **икотка** в пермских говорах формируются устойчивые сочетания, называющие процессы

– магического вызывания болезни:

ПОСАДИТЬ ИКОТУ. *Сытучанской мужик посадил ей икоту; В Вёлгурах женьшишина говорила икотой – посадил хто-то* (Акчим Краснов.) [АС 2: 20].

ПУСТИТЬ ИКОТУ. *У нас на Вае один колдун икоту ей пустил* [там же].

ПУСКАТЬ ИКОТЫ. *Икоты дак старухи пускают* [там же].

– и магического излечения:

ПРОГОНЯТЬ ИКОТКУ. *Полено возьму да буду прогонять икотку. Раньше говорилось, матерношибко, а сейчас только ичется* (Вавилова Сол.) [СПГ 2: 227].

б. Еще одной группой типичных названий колдуна (в данном случае пермские данные свидетельствуют о том, что такие единицы используются только для номинации колдунов) выступают существительные с корнем **ерет-** (с вариантами **ерек-**, **верет-**):

ЕРЕТИК. Колдун. *И кто за такого еретика еще взамуж пошёл. Еретик-от – это колдун* (Н.Бычино Краснов.) [СПГ 1: 249].

ЕРЕТНИК. То же, что еретик. *Нехороший был тогда народ – эти еретники, колдуны-то; никто их не любил* (Фоки Чайк.) [там же].

ЕРЕТНИЦА. Женск. к еретник. *Я как еретница тоже. Еретница людей портит* (Н.Залесное Ос.) [там же].

ЕРЕТНИК, ЕРЕКНИК. Колдун. *Еретник – это часто называют, если колдун, людей портит, всяки слова знает; Волшебник, волшебница ле – то же самоё. Ерекниками, холдунами, волшебниками их зовут* (Акчим Краснов.) [АС 1: 271].

ЕРЕТНИЦА, ЕРЕКНИЦА. Женск. к ЕРЕТНИК. *Холдунья еретница она называется, заговаривала от болезней котора; У нас тут одну ругают холдунья, она-де ерекница, настоящая-де волшебница* (Акчим Краснов.) [там же].

ВЕРЕТНИК. Колдун; то же, что еретник. *Веретники килы на зубы наводили. В веретники поступали обычно в бане: заставляли собаке в горящую пасть лезть. Чтоб колдун из дому не вышел, под стол втыкали соломинку или нож (Ятышь Ел.). Выходишь на улицу, скажи три раза: «Веретник-колдун, тебе пень да колода, а мне путь да дорога» (Фоки Чайк.) [СРГЮП 1: 107–108].*

В «Русском демонологическом словаре» Т.А.Новичковой термин *еретник* употребляется в следующем значении: «дух, входящий в тело колдуна после его смерти и делающий его упырем, живым мертвецом», т.е. «мертвая оболочка колдуна, заполненная нечистым духом»; а термин *еретница* – в другом значении: «В отличие от ерестуна, еретница... женщина, заживо продавшая душу черту» [РДС: 175–176]. В говорах Русского Севера подобные единицы чаще всего используются не столько для обозначения нечистого духа в облике человека или оборотня, сколько для называния колдуна:

ЕРЕТИК. Злой дух, нечистая сила. *Дак то и прежде и иритики были, не как люди они были, а креста они боялись. ШЕНК. Трн. [АОС 13: 127].*

ЕРЕТИЦА. 1. Колдунья, знахарка. Арх: Котл. *Еретица у ей бабка была, шепотать умела (Котл, Приводино) [СГРС 3: 325].*

ЕРЕТНИК. 1. Колдун. Арх: Котл; Влг: В-Уст. *Еретник много знает, да злой он, много зла натворит, килу посадит или веред (Котл, Трегубовская). Еретник колдует всё, килу садит (Котл, Новиково) [там же].*

ЕРЕТНИК. Колдун. *Еретники сетку наложат, темноту наведут, не видит ницё целовек. 3. Нынце веть еретникам не верят, вопиэ еретникоф веть нету, говорят, а вот мы верим, они ешчо есь Тр. [СРГНП 1: 200].*

ЕРЕТНИЦА. Женск. → еретник. *Которые процю делают, так еретницей зовут. Тр. Между ними остудну бросила еретница-те, дак они любить друг друга не стали. 3. [там же].*

Именно эти представления и отражаются пермскими диалектными единицами, образованными от корня *ерет-* и его вариантов.

7. Представления о ведьме не очень характерны для Русского Севера, в том числе и для традиционной культуры Пермского края. Однако словарные материалы (и это подтверждают другие источники, например опубликованные полевые материалы пермских ученых) с помощью нескольких лексем (*векшица, вещелица, вещица*) рисуют образ именно ведьмы, а не колдуна или знахаря, так как «одно из свойств ведьмы – оборотничество: она может принимать

вид свиньи, кошки, собаки, коровы, ласки, овцы, косули, зайца, волка и других животных; птицы (сороки, вороны, совы, курицы, аиста, утки); насекомого (мухи, мотылька, бабочки, паука...), предмета (колеса, решета, стога сена, клубка ниток или листьев, палки, ветки, корзины, куста ежевики и т.п.); может становится невидимой» [СД 1: 297–298]. Но «метаморфозы вештицы более однообразны, чем у ведьмы: чаще всего она принимает вид бабочки, мотылька или птицы (черной птицы, курицы, индюшки, гуся), реже – жабы, кошки, собаки, волка; ее ипостасью могли быть искры, светящиеся тела» [СД 1: 367].

Именно представление об оборотничестве этого персонажа подчеркивается как толкованиями, так и иллюстрациями словарных статей. С одной стороны, облик пермских вещиц соответствует тем тенденциям, которые описаны в статьях «Ведьма» и «Вештица» словаря «Славянские древности», с другой стороны, он своеобразен: в пермских материалах вещица чаще всегда превращается в сороку (или – реже – в клубок ниток):

ВЕКШИЦА. По суеверным представлениям, оборотень, нечистая сила. *Как-то векшица летала – женищина, мёдом вымазана, в перьях вываляна, через трубу вылетает на помеле (Б. Букор Чайк.) [СПГ 1: 82].*

ВЕЩЕЛИЦА. Оборотень; то же, что вещица. *Раньше в каждой деревне колдун был. Ещэ вещьелицы летали. Время выйдет, дак у неё душа улетаёт. А тятя говорил, кто-то знал, так ноги наскребут, потом она без ног делается (Советная Сукс.) [СРГЮП 1: 116].*

ВЕЩИЦА. Колдунья; ведьма. *А вещицы из трубы вылетают. Мой-от дедушко на гумне видел её (Н. Залесная Ос.). Люди-то часто их видывали и говаривали, что вещица – женищина с крыльями (С.-Залесная Ос.). Вещицы летали – в хлев-от, где стельная корова была. Телёнок мог мёртвый родиться, или шио кака порча (Б. Букор Чайк.) [СПГ 1: 95].*

ВЕЩИЦА. Колдунья, способная к оборотничеству. *Вешшыца-де она, колдунья. Вешшыца ... превратится в сороку... Такая была колдливая! Она дозаривать летала (Камгорт Черд.). Сорока летела, сорока – вещица. Это женищина превратилась в вещицу – сороку. Она намажется лекарствами и вылетит в трубу. Может у женищины ребёнка из живота вытащить, а туда положить шишэть (Говорливое Краснов.) [СРГСПК 1: 227].*

ВЕЩИЦА. Оборотень; колдунья; ведьма. *А вот ещэ вещицы у нас. Одна сноха летала. Поиёл свёкр и увидел тело под корытом. Истыкал*

пятки, она потом хромала (Тис Сукс.). Сноха стоит на улке, как неживая стоит. Бабушка вышла да ей по лбу-ту лучиной хлестала крестом, у ей синяк и был крестом потом, пришла в избу-то дак. Вот всё говорили, каки-то вештицы были. Она как омертвевает, улетает у неё душа. Не колдунья, чё-то другое (Сыра Сукс.) [СРГЮП 1: 116–117].

Во всех славянских традициях главной функцией ведьмы является порча скота, и прежде всего отбирание молока у коровы [СД 1: 298]. Действия пермских ведьм (о вещцах рассказывают в основном на юге края) носят похожий характер, но направлены они, кроме вышеназванного, и на причинение вреда плоду – теленку, что подчеркивает третья из приведенных словарных статей.

«Вештица во многом сходна с вампирами: она душит по ночам, пьет кровь людей и животных, питается мертвечиной, поедает сердца, вынутые ею из детей, похищает плод из материнской утробы или из чрева коровы и т.п. [там же: 367]. Из перечисленных в словаре «Славянские древности» функций вампира, характерных и для вештицы, пермские *векшицы*, *вещелицы*, *вещицы* обладают двумя: могут съесть детей или извлекать ребенка из утробы матери и заменять каким-либо предметом. Это можно увидеть из примеров, взятых из других, не словарных пермских источников: *А вот ребёнка ежли маленького, векшицы утащут и съедят. И со мной такой случай был. Если бы свекровь не пришла, Ивана [старшего сына] бы съели. Свекровь говорит: они прилетели, на дуб сели и разодрались. Мать кричит, а я не слышу. Только благодаря свекрови и спаслась* (Б. Кусты Куедин.). *Векшица* – та же ведьма. Векшицей любой может сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают. Они в лесу в гряду собираются и праздники делают. Вреда много приносят. Женица последнее время ходит – они ребёнка достанут. А на то место положат или мыло, или головёнку, а женице больше ничё не сделают (Кашка Куед.). *Векшицы* были. И в трубу вылетит, и клубком делается. Коров доила, портила. Сама видала я, когда конюшила (Б. Кусты Куед.). *Вещицы* вылетали на женицу беременную, ребёнка вытаскивали, и у коров и у овец (Б. Кусты Куед.) [Черных 2004].

Приведенные выше примеры демонстрируют наличие в пермской мифологии вештиц и такого общеславянского мотива – «полет вештиц на совместные сборища», для чего они «мазали тело волшебной мазью.., произносили заклинание и

вылетали через трубу на метлах, веретенах или верхом на человеке» [там же: 368].

Подводя итог разговору о том, какие мифологические воззрения отражаются в пермских названиях колдунов, знахарей, зафиксированных диалектными словарями региона, следует отметить несколько соображений.

В наименованиях данных мифологических персонажей нашли отражение общерусские (и общеславянские) представления:

- о сверхъестественном знании, присущем этим людям;
- об их связи с нечистой силой;
- о вере в магическую силу слова, которой владеют колдун, знахарь;

– о способности к оборотничеству. Последнее представление реализуется в имени персонажа, который имеет черты ведьмы – пермской *вещицы*.

Из севернорусских мотивов, вербализованных в именах этих персонажей, стоит отметить способность «знающих» людей вызывать *икоту* и «садить» *килу*.

В рамках данной статьи были рассмотрены, конечно, не все наименования колдуна, знахаря, отраженные пермскими диалектными словарями (их на несколько десятков больше), а только типичные, широко распространенные, имеющие параллели в других пермских источниках и материалах других территорий.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов АВЦП РНП «Русская речь Пермского края: история и современность» №2.1.3/11776; «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» № 2.1.3/11793.

² Более подробный обзор диалектных словарей Пермского края см.: [Русинова 2010: 18–25].

³ См. список литературы: [Бахматов 2008; Жданова 2002; Подюков 2001; Подюков 2004а; Подюков 2004б; Подюков 2006; Подюков 2007; Черных 2003; Черных 2004; Черных 2006; Черных 2008].

Список литературы с сокращениями

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып. 1–6 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1984–2011.

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–14. М.; СПб.: Наука, 2004–2010 (издание продолжается).

- Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исслед. / А.А.Бахматов, Т.Г.Голева, И.А.Подюков, А.В.Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.
- Жданова Н.В., Подюков И.А., Хоробрых С.В. Вишерская старина: сб. фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 115 с.
- Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Акад. проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
- КСМЛПК – *Картотека* Словаря магической лексики Пермского края.
- Подюков И.А. Нытва: Традиционная культура, язык и фольклор. В помощь этнопедагогу и краеведу. Нытва; Пермь: РУО-ПОИПКРО, 2001. 70 с.
- Подюков И.А. Деревня Монастырь на Каме-реке: сб. фольклорно-этнографических материалов. Пермь, 2003.
- Подюков И.А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2004 а. 320 с.
- Подюков И.А. и др. Усольские древности: сб. трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX – XX вв. / И.А.Подюков, А.М.Белавин, С.В.Хоробрых, Д.А.Антипов. Усолье, Соликамск; Березники: Перм. кн. изд-во, 2004 б. 240 с.
- Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.
- Подюков И.А. и др. «В каждой деревне чё-то да разно»: Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век) / И.А.Подюков, С.М.Поздеева, С.В.Хоробрых, А.В.Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2007. 284 с.
- Полякова Е.Н. От араины до яра: русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988. 180 с.
- Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.
- Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исслед. / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып.3. С.193–200.
- Русинова И.И. Пермская диалектная лексикография: результаты и перспективы // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010 а. Вып. 1(7). С.106–112.
- Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010 б. Вып. 6(12). С.13–17.
- РДС – *Русский* демонологический словарь / авт.-сост. Т.А.Новичкова. СПб.: Петерб. писатель, 1995. 640 с.
- СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А.К.Матвеева. Т.3: Г–Ж. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 388 с.
- СГСРПО – *Словарь* говоров Соликамского района Пермской области / сост. О.П.Беляева. Пермь, 1973. 706 с.
- СГТПК – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 420 с.
- СД – *Славянские* древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. Т.1–4. М.: Междунар. отн., 1995–2009.
- СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 т. Пермь, 2000–2002.
- СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006. 272 с.
- СРГНП – *Словарь* русских говоров Низовой Печоры. Т.1: Аблемай – ошупя / под ред. Л.А.Ивашко. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. ун-та, 2003. 553 с.
- СРГСПК – *Словарь* русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И.Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. Вып 1: А–В. 364 с.
- СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 (АБАЛТУС – КЫЧИГА) / И.А.Подюков (науч. ред), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.
- Срезневский – *Материалы* для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1: А–К. Санктпетербургъ: Типография Императорской академии наукъ, 1893.
- СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып.1–43 (издание продолжается).
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Хобзей Н. Гуцульска міфологія: етнолінгвістичний словник. Львів, 2002. 216 с.
- Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России / Ольга Христофорова. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского севера. Л., 1983. 169 с.

Черных А.В. Куединские праздники. Календарная обрядность русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в.: материалы и исслед. Пермь: ПОНИЦАА, 2003. 192 с.

Черных А.В. Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч.1. Весна, лето, осень. Пермь: Пушка, 2006. 368 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч.II. Зима. Пермь: Пушка, 2008. 368 с.

Четина Е.М. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края / Е.М.Четина, И.Ю.Роготнев; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 224 с.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: праславян. лекс. фонд / Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М.: Наука, 1974–2010. Вып. 1–36 (издание продолжается).*

Условные сокращения районов Пермского края

Бард. – Бардымский

Бер. – Березовский
Больш. – Большесосновский
Вер. – Верещагинский
Гайн. – Гайнский
Добр. – Добрянский
Ел. – Еловский
Караг. – Карагайский
Киш. – Кишертский
Кос. – Косинский
Краснов. – Красновишерский
Куед. – Куединский
Кунг. – Кунгурский
Лысьв. – Лысьвенский
Окт. – Октябрьский
Орд. – Ординский
Ос. – Осинский
Оч. – Очерский
Перм. – Пермский
Сив. – Сивинский
Солик. – Соликамский
Сукс. – Суксунский
Уинск. – Уинский
Усол. – Усольский
Чайк. – Чайковский
Част. – Частинский
Черд. – Чердынский
Юрл. – Юрлинский
Юсьв. – Юсьвинский

REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF WITCHCRAFT AND SORCERY IN PERM DIALECTICAL DICTIONARIES

Irina I. Rusinova

Reader of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University

The article considers the nominating units for the sorcerer, witch doctor on the data of dialectical dictionaries of the Perm region. These characters' names, together with the Common Slavonic ones, represent North Russian mythology. The concepts of sorcerers and witch doctors as carriers of sacred knowledge are common for the Slavic area. In Perm data they are represented by deverbatives: *знать – знатка, знаткой, знающий, ведать – ведун, ведунья, ведьмарь* и др. Here sorcerers and witch doctors are commonly considered as people possessing verbal magic tricks, which are represented in their Perm dialectal names derived from verbs with the meaning of speech: *бормотушка, заговорица, словесник, чернобайка, шепталь* etc. Specific to the North of Russia are the concepts of “carina”, “singulation”, represented in the names for a sorcerer, witch doctor: *кил, килевяз, килун; икотник*.

Key words: Perm dialectal lexicology; mythology; magic vocabulary; sorcerer, witch doctor.